



Иван Эдуардович Сивопляс – научный сотрудник ГИМЗ «Родина В.И. Ленина», много лет работал в Государственном архиве Ульяновской области. Его многочисленные публикации в «Мономахе» всегда узнаваемы: опытный историк и яркий публицист, он имеет свой запоминающийся голос. К этому стоит добавить, что Иван Сивопляс – талантливый поэт и художник.

Авторы о «Мономахе»

В мае 2014 года в школьном музее Дениса Давыдова в селе Верхняя Маза я увидел разлохмаченный, захватанный, зачитанный буквально до дыр давний, ещё 2002 года, номер журнала «Мономах», посвящённый поэту и партизану. Нет лучшей похвалы для издателей и авторов, чем такая «работа» многих и многих читательских рук, детских по преимуществу. Она красноречивее самых громких, хвалебных слов.

Иван Сивопляс

«Мономаху» – 20 лет!



Симбирский
деревянный театр.
1867

Симбирские театральные зарисовки

Цитаты и контексты

В фойе Ульяновского областного драматического театра имени И.А. Гончарова помещена цитата из классика, чьим именем величается учреждение культуры: «Я рад за Симбирск, что в нём есть театр. И.А. Гончаров».

Чеканная лаконичность фразы заставляет вспомнить другого классика и симбирского уроженца: «Из всех искусств для нас важнейшим является

кино... В.И. Ленин». Ленинский текст имел продолжение и разъяснение: «... пока народ безграмотен».

В письме из родного города 13 июля 1849 года Иван Александрович также был более велеречив:

«Был в здешнем театре: это было бы смешно, если б не было очень скучно. Симбиряки хлопочают, хотя ни в ком нет признака дарования. Но я рад за Симбирск, что в нём есть театр, какой бы то ни был. Глупо бы было мне,

Фото Альберта Баха



приехавши из Петербурга, глумиться над здешними актёрами, и оттого я сохранил приличную важность, поэвывая исподтишка».

Мы воспитаны ценить мнение «сильных мира сего», особым образом тех, кто заслужил своё место в истории талантами и трудами. Но сколько людей, столько и мнений – справедливо гласит народная мудрость, и мнение даже самого прославленного и маститого мудреца остаётся субъективным взглядом отдельного человека. Иван Александрович и сам признаётся, конечно, после столиц, после помпезного блеска и бархата императорских театров, актёрских «имён» и сановной публики...

Симбирские зрители хлопали, значит, зрелище не оставляло их равнодушными. Им нравилось, а это главный и самый доступный критерий в оценке любого произведения искусства.

И ещё цитата, на сей раз из полицейского рапорта: «20 февраля сего 1912 года в городе Карсуне, на основании телеграммы Пристава посада Мелекесса, были задержаны две гимназистки Мелекесской гимназии: Александра Филиппова, 17 лет, и Александра Пядышева, 14 лет, скрывшиеся из Мелекесса в поисках артистов игравшей в Мелекессе театральной труппы. При задержании обе гимназистки пытались лишиться себя жизни, приняв раствор креазота, но им своевременно оказана медицинская помощь, и жизнь их находится вне опасности. В тот же день, 20 февраля, они переданы родственникам, явившимся за ними из Мелекесса».

Сколько событий вместили в себя эти скупые полицейские строчки! Накал страстей, достойный мелодрамы! Жизнь – театр, и каждый играет в ней свои роли, и нет того, кто не мечтал бы сыграть в настоящем театре!..

Театр, в котором бывал Гончаров

Альберт Бах, фотограф из Кёнигсберга, владелец фотоателье в Симбирске, запечатлел на редком снимке 1867 года Симбирский театр, тот самый, в котором бывал И.А. Гончаров. Два ряда кустов среди воспетого поэтом Дмитрием Минаевым «булеvara», деревянные тротуары, одинокий фонарь, немощёная мостовая. Деревянное здание театра располагалось примерно на пересечении современных улиц Гончарова и К. Либкнехта.

Он открылся для зрителей в 1846 году. В строительстве здания самое действенное участие принял симбирский

губернский предводитель дворянства Михаил Михайлович Наумов, вложивший в него 6000 рублей из собственных средств. Готовый театр М.М. Наумов подарил симбирскому мещанину Александру Матвеевичу Слепнёву. Широта жеста и статус устроителя одновременно свидетельствовали как о важном месте театра в общественной жизни Симбирска, так и о том, что прямо заниматься театральными делами для губернского предводителя считалось предосудительным.

Помещение «слепнёвского» театра было рассчитано на 400 зрителей. Конечно, ему было далеко до роскоши императорских театров. Но и здесь наличествовали драпированные тканями ложи, бронзовые стенные и висячие канделябры. Зрителя завлекали не только игрой актёров, но и соответствующим антуражем. Ведь театр был развлечением не из дешёвых. Заядлый театрал в позапрошлом столетии – это не просто ценитель прекрасного, но и человек, демонстрирующий обществу свои капиталы.

Театр был местом всесловным. Вечером 20 апреля 1866 года фельдфебель Леонтий Штанский с супругой купили билеты в партер. Но «потом, спустя некоторое время, когда ещё не началась пьеса, Штанский попросил кассира переменить эти билеты на вход в галерею». Кресла в партере стоили от рубля до двух, тогда как «удовольствие» постоять на галёрке обходилось всего в 30 копеек. О перемещениях Штанского стало известно директору Симбирского театра, потомственному дворянину Дмитрию Константиновичу Хотеву. Он очень возмутился. Но совсем не потому, что фельдфебель уселся в креслах, среди «чистой» публики, а тем, что он сдал дорогие билеты!

В числе немногих общественных сооружений театр пережил великий симбирский пожар 1864 года. Корреспондент столичных «Санкт-Петербургских ведомостей» ядовито иронизировал по этому поводу: «Как бы в насмешку, пожар, истребивший дотла целый город, оставил невредимым в самой середине его дрянной, деревянный театришко!». Зато для части горожан это стало доброй приметой, надеждой на скорое возрождение Симбирска.

Театральный жест капитана и «Сердючка» из Симбирска

У судьбы, сохранившей от буйства стихии здание театра, кажется, был свой особый расчёт. Считается, что

именно на этой сцене дебютировал в 1867 году как профессиональный актёр симбирский уроженец Василий Николаевич Андреев-Бурлак (1843–1888), выдающийся артист, рассказчик, литератор, зачинатель жанра моноспектакля на отечественной сцене.



В.Н. Андреев-Бурлак

В двадцать лет дворянский сын Василий Андреев стал работать помощником капитана на Волге. С детства он имел склонность к лицедейству, но особый случай вдруг сделал моряка актёром. На пароходе, которым управлял В.Н. Андреев, шумно загуляла компания купцов-мильёнщиков. Гости пили, пели и шумели в парходном буфете, перекрывая шум машины и бас корабельного гудка. И вдруг один из купцов, ражий детина, всерьёз взялся бить людей и посуду. Доложили Василию Николаевичу. Решительно распахнув дверь, тот ворвался в буфет и закричал что есть мочи прямо в лицо буяну: «Пожар! Спасайся, кто может!». Перепуганный купчина кинулся к выходу, ударился головой о притолоку, разбил лоб, потерял сознание.

Наутро купец, сияя огромной шишкой, дружески хлопнул Василия Николаевича по плечу: «Знаешь что? Бросай своё капитанство, поступай в актёры, большие деньжищи зашибать станешь. Как увидел я вчера твою рожу, да как ты заорал, я мать родную забыл, кинулся спасаться, а дальше ничего не помню!..». И Василий внял голосу своего «горячего» поклонника.

Решительно поменял своё жизненное амплуа в пользу Мельпомены ещё один

симбирянин – Константин Зефиринович Пузинский (1836–1916), получивший всероссийскую известность, выступая в амплу «комических старух».

Женщины в роли мужчин и особенно мужчины в женской роли – вечный сюжет для комедий, и прямой путь к успеху для многих актёров. К.З. Пузинский, подобно В.Н. Андрееву-Бурлаку, вначале не думал о профессиональной сцене. Дипломированный юрист, он служил в Симбирске судебным следователем. Но ещё с гимназической юности Константин участвовал в любительских спектаклях, разыгрывал комические сцены, им самим и сочинённые, имея особый успех в женских ролях.

«Он играл так натурально, что и представить было нельзя, что перед вами мужчина, только загримированный женщиной», – восторгались современники. Впрочем, в 1862 году сатирик Дмитрий Минаев «припечатал» восходящую «звезду» в своей поэме «Симбирская губернская фотография»: «...затянутый до боли/ Гермафродит среди мужчин,/ Изящный только в женской роли,/ Живёшь, Пузинский Константин».

В 1869 году, 33-летний К.З. Пузинский стал профессиональным актёром. Он пользовался постоянным успехом, выступая во многих и многих театрах Российской империи. На 40-летний юбилей артистической деятельности К.З. Пузинского в 1909 году откликнулись развёрнутыми статьями и портретами ведущие театральные издания страны.

В тот юбилейный год, 73-летним стариком, исполнитель ролей комических старух вернулся в родной город. Возраст брал своё, жить в гастрольном ритме – а театры тогда ежегодно обновляли труппу – дальше было невероятно трудно. Симбирский полицмейстер В.А. Пифиев поселил К.З. Пузинского у себя в доме и добивался, чтобы его в привычном амплу ежегодно принимали в меняющуюся труппу Симбирского театра. В сезон 1910/1911 годов он играл в одной труппе с великим Александром Таировым (1885–1950), будущим основателем Московского камерного театра: «комическая старуха» на 75 рублях месячного оклада и «герой-любовник» с 325 рублями в месяц!

Романы и финансы

Кстати говоря, Александр Таиров был одной из самых высокооплачиваемых звезд-мужчин, блиставших на



Константин Зефиринович Пузинский



К.З. Пузинский в женских ролях

дореволюционной симбирской сцене. В сезон 1904/1905 годов (с запрещённой «Гейшей») первый тенор, виленский мещанин Фёдор Казимиров, по сцене Дунаев, зарабатывал в месяц по 400 рублей, а в сезон 1879/1880 годов игравший «первые комические роли» нижегородский мещанин Пётр Бедняков, по сцене Красовский, получал по 350 рублей в месяц. Труд актрис в старину оплачивался куда выше мужского. Непревзойдённым в истории дореволюционной труппы гонораром в 525 рублей могла похвастаться в сезон 1897/1898 годов лирическая певица, жена обер-офицерского сына Варвара Дункель, по сцене Иванова.

«Тысячниками» или «тысячницами» именовали в дореволюционном прошлом признанных «звёзд», чьи ежемесячные гонорары исчислялись числом с тремя нолями после цифири. Театры, предлагавшие «звёздам» трёхзначные суммы, в шутку именовали «третьеразрядными». К их «разряду» относился и театр в Симбирске.

Но деньги эти ещё надо было заработать. «Отовсюду идут сведения о плохих сборах в театрах, – писал в 1908 году столичный журнал «Театр

и искусство». – В этом отношении Симбирск не делает исключения, напротив, является яркой иллюстрацией поразительному индифферентизму публики. Симбирская публика предпочитает цирк театру и, смотря по тому, есть ли в цирке интересные «номера» или нет, – театр пустует или делает сборы. В октябре в цирке была «борьба» – в театре «пустыня», в начале ноября чемпионат в цирке кончился – театр стал делать сборы. Теперь в цирке опять «борьба» – и театр влечит жалкое существование. А что будет, когда приедут «борчихи», уже и не представляем!».

Но финансовые неудачи становились замечательным поводом к творчеству, к самоиронии. Игравший в симбирской труппе в тот не лучший сезон артист Георгий Гуров представил в день своего бенефиса комедию собственного сочинения: «Курьёзное происшествие в Симбирске: Жених-атлет или французская борьба на заклад в 200 рублей». И хотя сам бенефициант в роли некоего графа Кучургина не имел успеха, «многообещающий спектакль дал ожидаемый сбор, что-то около 250 рублей!»..